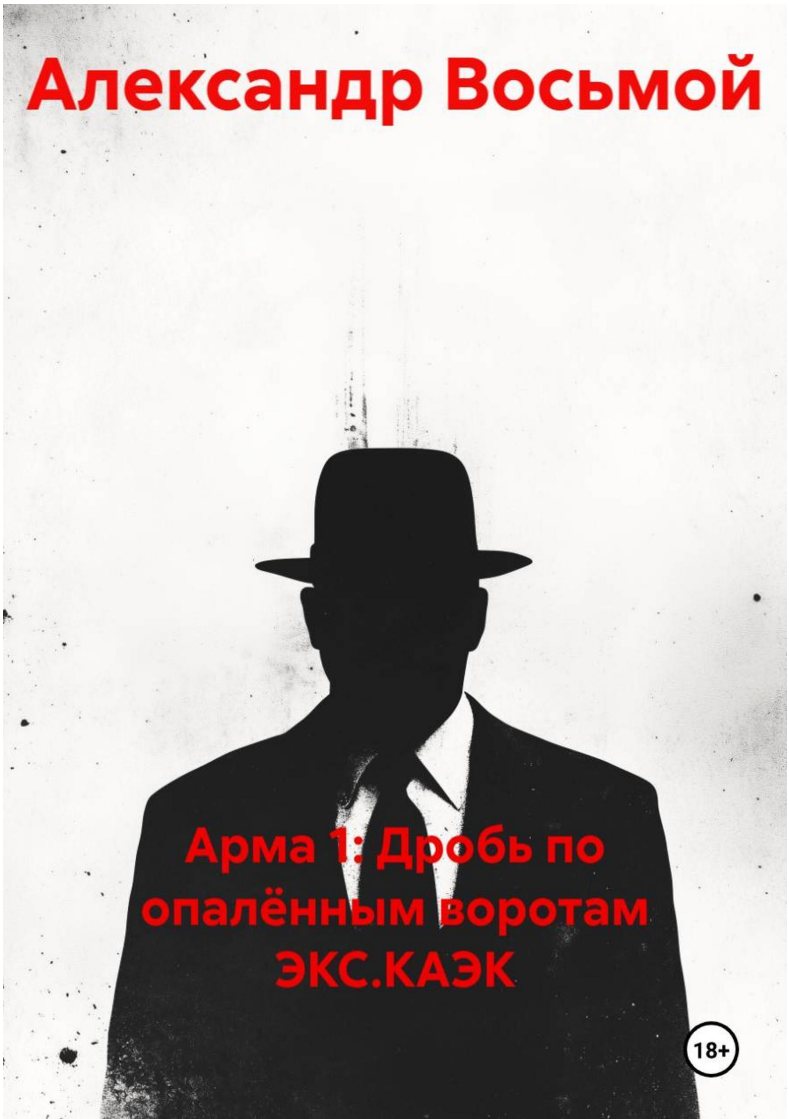
Александр Восьмой

Арма 1: Дробь по опалённым воротам ЭКС.КАЭК

18+

Александр Восьмой

Арма 1: Дробь по опалённым воротам ЭКС.КАЭК

https://litres.ru/74468039
SelfPub; 2026

Аннотация

Год Великой Засухи. Мазаракш — страна пыльных ветров и раскалённых барханов — теряет свои окраинные города один за другим. Страна Окраина, рождённая из тумана и болот, движется на юг: её армии шагают по мёртвым полям, и там, где проходят её солдаты, земля чернеет и не рожает ничего, кроме пепла.

В горном гарнизоне Кара-Даш служит Арлан — сын мельника, который стал миномётчиком, потому что больше некем было стать. Его расчёт — трое: глухой сапёр Тилек, девочка-заряжающий Сайра, которую нашёл в развалинах крепости Беш-Кал, и старый наводчик Бакай, что воевал ещё с первым ханом Мазаракша и помнит, как звучит мир.

Их миномёт — ржавый, древний, с именем «Куйрук» (Хвост), выцарапанным на стволе, — единственное, что стоит между Окраиной и последним перевалом, за которым лежит сердце Мазаракша.

Когда червь войны переползает через горы и первая волна штурма накрывает Кара-Даш, Арлан понимает: порох кончается.

Но легенда гласит, что в глубине Соляного Каньона спрятан «Огненный Завет»

Александр Восьмой
Арма 1: Дробь по опалённым воротам ЭКС.КАЭК

Глава 1. Песок, который помнит шаги

Кара-Даш спит на каменном гребне, как старый пёс, которого забыли позвать домой. Внизу — мёртвое шоссе, по нему три дня никто не ехал. Арлан чистит ствол «Куйрука» и считает порох по горстям. Бакай рассказывает Сайре сказку о семи городах — той самой, которую все знают как колыбельную и никто не воспринимают всерьёз. Тилек, не слыша ни слова, рисует на песке карту каньона, которого нет ни в одном военном атласе. Ветер с севера пахнет не дождём — пахнет горелой травой.

Арлан пересыпает порох из ладони в ладонь. Жарко. Чёрная крошка шуршит, как песок в разбитых часах, и он думает: этого хватит на сорок выстрелов. Может, на сорок два, если утрамбовать туфлей. Сорок два выстрела — и «Куйрук» превратится в кусок ржавой трубы, годный лишь на то, чтобы бить им врага по голове. Арлан не улыбается этой мысли. Он вообще редко улыбается — с тех пор, как мельницу отца накрыло волной с болот и от неё осталась только жернова,

лежащая в поле, как два каменных солнца.

— …и вот, — говорит Бакай, и голос его скрипит, будто телега по щебню, — мастер прошёл все семь городов и в каждом оставил по одной вещи. В первом — зеркало. Во втором — ключ. В третьем — верёвку. В четвёртом — огниво. В пятом — чашу. В шестом — иглу. А в седьмом…

— В седьмом он оставил свою тень, — тихо говорит Сайра.

Бакай смотрит на неё. Сайра сидит на ящике из-под мин, обхватив колени, и глаза у неё такие, будто она не сказку слушает, а вспоминает. Хотя откуда девчонке из развалин Бешкала знать старую присказку — Бакай не понимает. Он воевал с первым ханом. Он помнит, как Мазаракш был зелёным, а реки текли полными. Он помнит мир — тот, настоящий, не этот, из пепла и пыли. Но сказку о семи городах он всегда считал просто сказкой. Присказкой. Бабушкиным словом, которое греет не хуже печки, пока не догорит.

— Верно, — говорит он. — Тень. А потом мастер ушёл и построил восьмой город. Тот, которого нет на карте.

— Который умеет стрелять, — добавляет Сайра.

Бакай замолкает. Ветер треплет полы его старой шинели, и где-то внизу, в ущелье, камень откалывается и долго-долго стучит по склону, прежде чем смолкнуть.

Тилек поднимает голову. Он не слышит ни Бакая, ни ветра, ни камней — глухой с рождения, сапёр, который находит мины по вибрации подошв. Но сейчас он смотрит на юг, ту-

да, где шоссе ныряет в расщелину, и лицо его делается таким, какое бывает у собак перед землетрясением. Он стучит по каске — два коротких, один длинный. Это их сигнал: *движение*.

Арлан встаёт. Порох сыплется сквозь пальцы, но он не смотрит вниз — смотрит туда, куда смотрит Тилек.

Сначала ничего. Только пыль. Только марево. Шоссе пустое и мёртвое, как уже три дня подряд.

А потом пыль меняет форму.

Не ветер — нет, ветер с севера, а пыль поднимается с юга, и поднимается ровно, как по линейке. Арлан знает этот звук. Он слышал его под Беш-Калом, когда Сайру вынимали из-под обрушенной стены. Он слышал его у Пятой Заставы, когда болотный туман выполз на берег и сожрал весь гарнизон за одну ночь. Это не лошади и не машины. Это шаги. Много шагов. Ровных, мерных, как удары сердца, у которого нет усталости.

На шоссе появляется первый обоз Окраины.

Арлан считает повозки. Десять. Пятнадцать. Двадцать. Они чёрные — не от краски, от тумана, который облепливает их, как паутина. Лошади в упряжках не ржут — может, потому что их нет, а может, потому что им нечем дышать. Сайра встаёт рядом с Арланом, и он видит, как белеют её костяшки на краю ящика.

— Дядя Бакай, — говорит она, и голос её не дрожит, но в нём есть что-то, что хуже дрожи: тишина перед выстрелом.

— Это уже не сказка.

Бакай не отвечает. Он уже у «Куйрука». Старые руки ложатся на подъёмный механизм, и «Куйрук» — ржавый, дряхлый, с именем, выцарапанным гвоздём на стволе, — издаёт тихий стон, будто просыпается. Бакай выставляет прицел так, как выставлял его сорок лет назад: на слух, на ветер, на чутьё. Он целится не в обоз — он целится в точку, где шоссе сужается между двумя скалами, и если первый выстрел ляжет правильно, то второй и третий не будут нужны.

Но Арлан знает: второй и третий будут нужны. И четвёртый. И пятый. И все сорок.

Тилек уже на позиции. Он разворачивает карту, нарисованную на песке, и смотрит на неё так, будто в этих линиях — не каньон, а дверь. Дверь, которую можно открыть, если найти ключ. Если дойти.

Арлан берёт первую мину. Она тяжёлая, тёплая, пахнет маслом и железом. Он вкладывает её в ствол, и «Куйрук» принимает её, как мать принимает дитя — без звука, без колебаний.

Внизу обоз Окраины останавливается. Из тумана выходят фигуры — не люди, не тени, а что-то посередине: ростом с человека, широкие, безликие. Они стоят на шоссе и смотрят вверх, на каменный гребень, на миномёт, на четверых, которые защищают перевал.

Их много. Их очень много.

Арлан закрывает глаза на одну секунду. Думает о мель-

нице. О жерновах в поле. О том, что отец всегда говорил: *«Мука не из воздуха делается, сын. Мука — это когда зерно прошло через камень»*.

Он открывает глаза.

— Бакай.

— Вижу.

— Огонь.

«Куйрук» бьёт. Звук — не выстрел, а звон, рвущий небо пополам, — катится по ущелью, отскакивает от скал, и где-то далеко, на дне Соляного Каньона, которого нет ни в одном атласе, что-то отвечает. Тихо. Еле слышно. Как эхо. Как тень колокола.

Арлан не слышит этого ответа. Но Сайра — слышит. Она поворачивает голову на юго-запад, туда, где горы сходятся в точку и где, по старой карте Тилека, должен быть вход в каньон, и говорит тихо, так, что никто, кроме ветра, не ловит:

Ты ждёшь.

Мина ложится точно в ущелье. Обоз Окраины вздрагивает. Фигуры на шоссе делают шаг назад — первый шаг назад за всё время, что Арлан их видит.

Бакай перезаряжает. Тилек передаёт мину. Сайра держит ящик и не плачет, потому что давно забыла, как это делается.

А ветер с севера крепчает, и в нём — уже не горелая трава. В нём — соль. Соль Соляного Каньона, которого нет на карте, но который помнит шаги каждого, кто к нему приходит.

И если сказка о семи городах — не сказка, а карта… то

«Куйрук» — не миномёт.

А первый колокол города, который умеет стрелять.

Глава 2. Первая волна — как открытая ладонь

Рассвет не приходит. Вместо него приходит туман.

Он ползёт через перевал густой, белой, непрозрачной массой — не как облако, а как молоко, которое перехлёстывает через край чаши. Туман Окраины не пахнет ничем, и в этом его ужас: горный воздух Кара-Даша всегда чем-то пахнет — солью, нагретым камнем, полынью, — а когда приходит краинский туман, запахи умирают. Всё умирает. Звуки, тени, расстояние. Мир сжимается до вытянутой руки и дальше не идёт.

Арлан стоит у «Куйрука» и не видит ничего, кроме белого. Но он слышит: шаги. Те же, что вчера на шоссе, — мерные, ровные, бесконечные. Только вчера их было сто, а сегодня — тысяча. Может, две. В тумане не разберёшь, и это хуже всего: не знать — это хуже, чем видеть врага. Видеть — значит измерить. А неизмеримое измеряет тебя.

— Бакай.

— Вижу, — говорит Бакай. Он не видит. Но он слышит так, как слышит только тот, кто воевал сорок лет: шаги, дыхание тумана, скрип механизмов где-то внизу, на шоссе. Он наводит «Куйрука» по звуку, как слепой наводит руку на знакомый предмет — по памяти, по запаху, по тому, как воздух ложится на кожу.

— Сайра, мина.

Сайра вкладывает мину в ствол. Руки у неё маленькие, но уверенные — она заряжает так, как другие люди дышат: не думая. «Куйрук» принимает заряд, и на секунду Арлан чувствует, как ствол вздрагивает под его ладонью. Не от отдачи — от чего-то другого. Как будто старое железо вспоминает.

Арлан стреляет.

И впервые слышит.

Не скрип. Не лязг. Не ржавый хрип, к которому он привык за месяцы службы. Другой звук. Низкий, густой, тянущийся — бас, который уходит в камень, в скалы, в ущелье и катится по нему, как колокол по деревне, оповещая всех: вставайте. «Куйрук» поёт. Арлан не верит своим ушам и стреляет снова — и снова слышит: песню. Туман впереди рвётся, и в разрыве Арлан видит: фигуры на шоссе, безликие, широкие, — их сносит, как снопы сноповязкой. Первая волна откатывается. Не убегает — откатывается, как вода от ступни, и возвращается туда, откуда пришла.

Арлан успевает подумать: *ствол поёт*.

И тут же: *почему ствол поёт?*

Думать некогда.

Вторая волна приходит через час. Туман к этому времени уже не туман — он стена, он крыша, он пол. Он везде. И вторая волна идёт не по шоссе, а по склону, снизу, по осыпям и расщелинам, и Арлан не слышит её, пока она не накрывает южную стену Кара-Даша.

— Стена! — кричит кто-то из гарнизона, и крик обрывается на середине слова.

Арлан разворачивает «Куйрука» на юг. Угол невозможный — Бакай говорит: «Не вытянет», и в этот момент по южной стене бьют из чего-то тяжёлого, и камень брызжет крошкой, и кто-то кричит, и Бакай уже не говорит, а делает: упирается левой рукой в подъёмный механизм, доворачивает ствол на два градуса, и Арлан видит — рука Бакая окровавлена. Двух пальцев нет. Мизинца и безымянного. Срезано — не пулей, осколком, — и кровь течёт по шинели, но Бакай не отходит. Он стоит. Он наводит. Он бьёт.

«Куйрук» поёт снова, и на этот раз — громче. Арлан чувствует, как вибрация уходит из ствола в казённик, в опорную плиту, в камень под ногами, и камень отвечает. Не трясётся — отвечает. Как будто Кара-Даш — не просто гора. Как будто у него есть голос, и «Куйрук» — этот голос.

Вторая волна откатывается от южной стены, но не вся. Часть проходит — ломает ворота, входит во двор гарнизона, и там начинается то, о чём Арлан не будет рассказывать никогда. Близкий бой — не бой даже, а резня: ножи, приклады, камни, зубы. Гарнизон дерётся тем, что есть, и тем, что осталось.

Тилек в этом аду работает молча, как всегда. Глухой сапёр, который слышит мир подошвами, — он чувствует вибрацию раньше, чем кто-то видит опасность. Броневагон Окраины — чёрный, угловатый, на гусеницах, — выкатыва-

ется из тумана по шоссе и идёт на ворота. Тилек кладёт мину под гусеницу. Не под броневагон — точно под гусеницу, под трак, который соединяется с ведущим колесом. Он считает вибрации так, как другие считают секунды, и кладёт заряд в ту точку, где металл напрягается сильнее всего.

Взрыв.

Броневагон дёргается, гусеница рвётся, и машина замирает — неубитая, но обезноженная, — и из неё выходят краинские солдаты, и их бьют. Гарнизон бьёт их камнями и прикладами, и Арлан видит, как Тилек поднимает руку — пальцы целы, все пять, — но лицо белое. Не от страха. От близости. Тилек слышит мир подошвами, а под подошвами сейчас — не камень, а тела. И вибрация от тел — другая. Мягче. Тише. И Тилек знает, что эта тишина — навсегда.

К исходу дня туман отступает. Не уходит — отступает, как отступает вода после наводнения: оставляет грязь, мёртвое, тишину.

Арлан считает.

Сорок два бойца. Было семьдесят. Одиннадцать мин. Было сорок три. «Куйрук» цел. Бакай — без двух пальцев, но стоит. Тилек — белее соли, но ходит. Сайра — не плачет, но глаза у неё сухие и блестящие, как два камешка на дне пересохшей реки.

Комендант Кара-Даша, Ашык-бей, собирает оставшихся во дворе. Он стар, широкоплеч, с лицом, изрезанным морщинами так глубоко, что в них застревает пыль. Он не кри-

чит. Не произносит речей. Он обводит взглядом сорок два лица — целых, раненых, белых, чёрных от копоти — и говорит одно слово.

— Держать.

Никто не отвечает. Не потому что не хочет — потому что ответ звучал бы как согласие умереть. А умирать молча — легче. Арлан знает это. Знал ещё под Беш-Калом, где нашёл Сайру под обрушенной стеной и она молчала, и её молчание было громче, чем все крики вокруг.

Ашык-бей уходит. Двор пустеет. Сорок два бойца расходятся по позициям, и каждый несёт с собой это слово, как носят воду в пустыне: бережно, прижимая к груди, потому что если пролить — второго не будет.

Арлан остаётся у «Куйрука». Бакай перевязывает руку — плохо, обрывком тряпки, без бинта. Сайра сидит на ящике. Ящик пустой. Последние одиннадцать мин — в другом, рядом со стволом, и Арлан считает их каждый раз, когда проходит мимо, как мельник считает мешки с зерном. Одиннадцать. Одиннадцать. Одиннадцать.

Тилек подходит и кладёт перед Арланом свою карту. Ту самую, нарисованную на песке. Она почти стёрлась, но линии ещё видны: каньон, вход, поворот, разветвление. И на самом дне, в глубине, — знак, который Тилек рисовал каждый раз: круг с точкой в центре. Мишень. Или цель. Или сердце.

Арлан смотрит на карту. Потом на Бакая. Потом на Сай-

ру. Потом на «Куйрука» — ржавого, рябого от осколков, с именем, выцарапанным гвоздём, и со стволом, который сегодня, утром, впервые запел.

— Бакай, — говорит Арлан. — Ты слышал?

Бакай молчит. Потом, не поворачивая головы:

— Слышал.

— Что это?

Бакай перетягивает узел на тряпке, морщится, и говорит:

— Я слышал этот звук один раз. Давно. Когда первый хан поставил пушку на перевале и выстрелил в туман. И туман расступился. И за ним был город — белый, целый, с башнями, которые пели. Потом туман закрылся снова. И город исчез. Я думал, мне привиделось. Старость. Солнце. Но теперь…

Он замолкает.

— Теперь — не привиделось, — заканчивает Сайра.

Тилек стучит по каске: два коротких, один длинный. *Движение.* Но на этот раз — не враг. Он указывает на карту. На круг с точкой. На сердце каньона.

Арлан берёт карту с песка — осторожно, как берут хлеб из печи. Переносит на камень. Разглаживает. Смотрит.

Одиннадцать мин. Сорок два бойца. Один миномёт, который поёт, как колокол. И каньон, которого нет ни в одном военном атласе, но который Тилек рисует снова и снова — не по карте, а по вибрации. По тому, как камень Кара-Даша гудит под ногами, когда «Куйрук» стреляет. Тилек слышит

этот гул. Тилек знает, куда он уходит. Уходит — на юго-запад. Вглубь. В Соляной Каньон.

Арлан складывает карту вчетверо. Прячет за пазуху. Подходит к Ашык-бею.

— Держать, — говорит Ашык-бей, не оборачиваясь.

— Мы уйдём, — говорит Арлан. — Трое и миномёт. Мы уйдём в каньон.

Ашык-бей оборачивается. Смотрит. Долго.

— Зачем?

— За порохом, — говорит Арлан. — За порохом, который горит под дождём.

Молчание.

— Это сказка, — говорит Ашык-бей.

— Да, — говорит Арлан. — Как и семь городов.

Ашык-бей отворачивается к перевалу. Внизу, на шоссе, туман снова собирается. Третья волна будет к утру.

— Идите, — говорит он. — У вас одна ночь.

Арлан возвращается к расчёту. Бакай уже стоит у ствола. Тилек закидывает за спину мешок с инструментами. Сайра несёт последний ящик — с одиннадцатью минами, с которыми они уходят в каньон, оставляя Кара-Дашу — что? Камни. Сорок два бойца. И слово, которое nobody не хочет слышать, но все услышат, потому что другого слова нет.

— Держать.

«Куйрук» снят с позиции. Ржавый ствол, опорная плита, казённик — всё разобрано и уложено на спины, и Арлан ду-

мает, что есть что-то правильное в том, что миномёт, который защищал перевал, теперь сам уходит — не от врага, а за ответом. За порохом. За тем, что лежит в глубине каньона, как зерно в жерновах: тёмное, тяжёлое, готовое стать хлебом или порохом — смотря кто возьмёт.

Они уходят на юго-запад. Ночью. Без огней. Без слов. Кара-Даш молчит за спиной — последний час молчания, потому что к утру третья волна накроет гребень, и сорок два бойца встретят её с тем, что останется. С камнями. С ножами. С пустыми руками.

А позади, на каменном гребне, где «Куйрук» стоял сорок лет и стрелял впервые утром, на песке остаётся след. Не от сапог — от ствола. Круглый, чёткий, как печать. И в центре круга — точка.

Мишень. Или цель. Или сердце.

Тот же знак, что Тилек рисует на всех своих картах. Тот же знак, что выцарапан на стволе «Куйрука» рядом с именем. Тот же знак, что Сайра нарисовала пальцем на пыли в первый день, когда Арлан вытащил её из-под стены Беш-Кала и она молчала, и рисовала, и молчала, и рисовала.

Круг с точкой.

Восьмой город, которого нет на карте, но который помнит шаги каждого, кто к нему приходит.

Стена Кара-Даша проглатывает последний отблеск заката. Вперси — тьма. Туман. И тишина перед третьей волной.

Трое миномётчиков и ржавый «Куйрук» уходят в каньон.

Перевал остаётся стоять.

Глава 3. Горсть, которой не хватит на утро

Свеча горит криво. Огонь наклонён на юг — тянет сквозняком из расщелины, и тень от «Куйрука» лежит на стене пещеры длинная, ломаная, похожая на руку, которая тянется к выходу и не достаёт. Арлан сидит на камне, перед ним — тряпица, на тряпице — порох. Чёрный, крупный, как толчёный перец. Он пересыпает его из ладони в ладонь и считает.

Не горстями — граммами. Не граммами — выстрелами.

Каждый выстрел «Куйрука» берёт двести грамм. Стандартный заряд — сто восемьдесят, но ствол старый, казённик разболтан, и Бакай всегда кладёт лишнее: «Лучше перебить, чем недобить». Арлан считал вместе с ним, при свете одной свечи, в пещере на полпути к каньону, и цифра вышла простая и страшная.

Четыре дня. При нынешнем темпе — четыре дня. Пять — если экономить. Если стрелять только по живой силе, не по машинам. Если не промахиваться. Если туман не сожрёт заряд, как он жрал заряды под Беш-Калом, когда порох отсыревал в казённике и мина уходила в белый мрак и падала невесть где, и слышался далёкий, мокрый, бессильный хлопок — не взрыв, а шлепок, как ладонь по воде.

Пять дней.

Арлан ссыпает порох обратно в жестяную банку. Банка военная, из-под машинного масла, и на боку у неё — клей-

мо: «Окраина. Казённый склад. № 17». Ирония, которая не смешная: банка из вражеского склада хранит порох, который должен убивать врагов из этого склада. Арлан закрывает крышку и думает: *пять дней — это если нас не найдут. Это если каньон пустой. Это если сказка — не сказка.*

Сайра спит. Свернулась у лафета «Куйрука», как котёнок у тёплой печки, — только печки нет, и лафет холодный, железный, но Сайре всё равно. Она умеет спать везде. Арлан видел, как она спала под обстрелом, под крики, под вой — свернувшись в клубок, руки под щёку, дышит ровно, и ничто не может её разбудить, кроме одного: если позвать по имени. Не Арлан. Не Бакай. Не Тилек. Кто-то другой. Кто-то, кого нет.

— Ии-сэ, — говорит Сайра во сне. Тихо. Почти беззвучно. Арлан слышит, потому что пещера тихая, и свеча трещит, и ветер поёт в расщелине, и сквозь все эти звуки — голос Сайры, как нитка в ткани: тонкая, но если потянуть — потянется всё.

Арлан не знает, кто такой Ии-сэ. Не спрашивал. Сайра не рассказывала. Но это имя — не из Мазаракша. Не из Окраины. Не из языка, который Арлан знает. И когда Сайра произносит его во сне, Арлан чувствует то же, что чувствовал, когда «Куйрук» запел утром: что есть что-то за пределами того, что он видит. Что-то, что помнит больше, чем он. Что-то, что ждёт.

Бакай сидит напротив, спиной к стене, и не спит. Рука —

левая, обрубленная, перевязанная грязной тряпкой — лежит на колене. Правая — на колене другой ноги, и пальцы на ней не двигаются: Бакай замер, как каменный, и глаза открыты, и смотрят в огонь свечи, но не видят его. Арлан знает этот взгляд. Это взгляд человека, который видит не то, что перед ним, а то, что позади.

— Бакай.

Старик не отвечает.

— Бакай.

— Слышу, — говорит Бакай, и голос его — не скрип телеги, как обычно, а что-то тише. Будто телега остановилась и скрипит только одно колесо, и то еле-еле. — Война кончается не тогда, когда гибнут люди, Арлан. Люди гибнут всегда. Война кончается тогда, когда кончается порох. Меч можно поднять с земли. Копьё можно выломать из ветки. Лук можно сплести из жил. Но порох — порох нельзя. Порох либо есть, либо его нет. И когда его нет — всё остальное не имеет значения.

Арлан молчит. Он знает. Он сын мельника, и он знает, что мука — это не камень и не зерно. Мука — это то, что получается, когда зерно прошло через камень. Нельзя смолоть порох из камня и ветки. Порох — это селитра, сера, уголь. Пропорция. Рецепт. Тайна, которую хранят так же ревниво, как золото.

— Поэтому, — говорит Бакай, — завтра мы решаем. Либо мы стреляем четыре дня и умираем. Либо мы идём в каньон

и находим то, чего может не быть.

— Тилек говорит, что оно есть, — говорит Арлан.

— Тилек не говорит. Тилек рисует.

Как будто услышав — хотя не может услышать, глухой от рождения, — Тилек входит в пещеру. Он приходит из подземного хода, который нашёл днём: узкая щель в стене расщелины, за ней — рукотворный туннель, вырубленный в солёной породе, уходящий вниз, вглубь, в темноту. Туннель старый — старше Кара-Даша, старше первого хана, может, старше Мазаракша. Тилек шёл по нему три часа и вернулся с тем, что нашёл.

Жестянка. Маленькая, ржавая, круглая, как жестянка из-под табака. Арлан видел такие — у торговцев на южном базаре, до войны, когда базар был базаром, а не пепелищем. Тилек ставит её перед Бакаем и открывает крышку.

Внутри — обрывок. Не бумаги — пергамента. Тонкого, почти прозрачного, пожелтевшего от соли и времени. Свернут в трубку, и когда Арлан разворачивает — руки не дрожат, но дыхание дрожит — он видит линии. Тёмные, выцветшие, нарисованные чем-то красно-бурым: тушью? Кровью? Чем-то, что было красным, а стало бурым от соли?

Линии складываются в карту. Не большую — ладонь в длину, не больше. Но на ней — всё.

Вход. Сужение. Поворот. Разветвление — три рукава, и средний отмечен крестом. Дальше — спуск, винтовой, как улитка. И на самом дне — знак. Круг с точкой. Тот самый.

И надпись. Арлан читает медленно, по слогам, потому что буквы старые, непривычные — не мазаракшские и не краинские, а что-то посередине, как язык, из которого выросли оба, как дерево из корня.

«Соляной Каньон. Хранилище. Огненный Завет.»

Арлан поднимает глаза на Бакая.

Бакай смотрит на карту. Долго. Так долго, что свеча опускается на палец, и тень от «Куйрука» сдвигается по стене, и Сайра ворочается во сне и снова говорит: *«Ии-сэ»*, — и ветер в расщелине стихает, будто прислушивается, и всё вокруг — камень, соль, тьма — затихает и ждёт.

Арлан думает — старик уснул. С открытыми глазами. Бывает. Старость, усталость, кровь, потерянные пальцы.

Но Бакай не спит.

— Я слышал это название, — говорит он, и голос его — теперь не скрип, а шёпот, и шёпот этот тише скрипа, но слышнее, потому что в шёпоте — вес. — Один раз в жизни. От человека, который не врал. Он был… не солдат. Не хан. Не торговец. Он был мастер. Такой, как в сказке: прошёл семь городов и ушёл в восьмой. Я тогда не поверил. Думал — сумасшедший. Их много было после первой войны: люди, которые потеряли всё и нашли взамен — голоса, видения, города, которых нет. Но он… он не был сумасшедший. Он был тихий. Спокойный. Он сказал мне: «Бакай, если дойдёшь до Соляного Каньона — не бойся. Там нет смерти. Там только огонь. Огонь, который ждёт, когда его заберут». Я спросил:

«Зачем ты мне это говоришь?» Он ответил: «Потому что ты дойдёшь».

Молчание.

— И? — говорит Арлан.

— И он сгорел, — говорит Бакай. — Через три дня. Не от огня — от солнца. Он вышел на рассвете и стоял, и солнце поднималось, и он не уходил. Просто стоял. И к вечеру его не было. Только пятно на камне, как тень, но наоборот — белое, как соль. Я потом спрашивал у знахарей, у хаджи, у всех, кто знает. Никто не знал. Один сказал: «Так горит тот, кто видел Огненный Завет и не взял». Другой сказал: «Это проклятие». Третий плюнул и сказал: «Не говори мне об этом». И я не говорил. Сорок лет не говорил. А теперь — вот. Карта. Каньон. Завет. Как будто он знал, что я дойду. Как будто ждал.

Арлан смотрит на карту. Потом на Бакая. Потом на Сайру — она спит и зовёт кого-то по имени, которого нет ни в одном языке. Потом на Тилека — тот стоит в проходе, и лицо его не белое, как соль, как было после боя, а спокойное. Тихое. Лицо человека, который нашёл то, что искал, и теперь ждёт, когда другие поймут.

— Мы идём, — говорит Арлан.

Не вопрос. Не просьба. Факт. Как «рассвет». Как «засуха». Как «война». Факт, который нельзя изменить, потому что он уже случился.

Бакай кивает. Тилек стучит по каске: два коротких, один

длинный. *Движение.*

Сайра открывает глаза. Не просыпается — открывается, как дверь, которая была закрыта и вдруг распахнулась, и за ней — не пещера, не свеча, не камень. Что-то другое. Она смотрит на Арлана, и в глазах её — не сон, не явь, а то, что между: третье состояние, которого нет у взрослых, но есть у детей, которые помнят больше, чем должны.

— Он ждёт, — говорит Сайра.

— Кто?

— Город.

И закрывает глаза. И спит дальше. И зовёт: *«Ии-сэ»*.

Арлан гасит свечу. Темнота — полная, густая, как туман Окраины, но другая: тёплая, солёная, живая. Где-то внизу, в глубине камня, Тилеков туннель уходит в Соляной Каньон — винтом, улиткой, в темноту, в глубину, к тому, что ждало сорок лет. Может, больше. Может, всегда.

Порох в банке. Одиннадцать мин в ящике. Трое миномётчиков и ржавый «Куйрук». И карта, на которой нарисован город, которого нет.

Утро придет всем. Но пороха хватит не всем.

Арлан закрывает глаза и видит мельницу. Жернова в поле. Отца, который говорит: *«Мука не из воздуха делается, сын»*. И — далеко, на самом краю сна — звук. Низкий, густой, тянущийся. Бас. Колокол. Песня, которой ещё нет, но которая уже помнит, как звучать.

«Куйрук» спит рядом. И во сне — поёт.

Глава 4. Перевал держит — пока трое уходят

Рассвет в горах приходит не сверху — снизу. Сначала светится дно ущелья, как будто кто-то разбудил огонь в глубине земли, и тьма отступает от ног к небу, неохотно, по частям, как собака, которую гонят с места. Кара-Даш в этом свете — не крепость и не гора, а силуэт: зубчатый, тёмный, как обломок ножа, воткнутый в хребет.

Возок стоит у южных ворот. Доски — гнилые, колёса — скрипучие, ось — гнутая. Арлан нашёл его вчера в заброшенном сарае за казармой и думал: не доедет. Думал: развалится на первом камне. Но Тилек подбил ось камнем, обмотал колёса тряпьем, и возок стал возком — не хорошим, но едущим. На него уложили «Куйрука»: ствол, опорная плита, казённик, лафет — разобранный на части, как скелет, который забыли собрать. Одиннадцать мин — в ящике. Девять — в мешках, навьюченных на двух лошадей. Двадцать мин на четверых: на троих, что уходят, и на одного, что остаётся.

Бакай стоит у ворот. Левая рука — обрубленная, перевязанная — спрятана за спину, чтобы не видно было. Правая — на поясе. Он смотрит на «Куйрука», и Арлан видит: старик не прощается со стволом. Он прощается с тем, кем был, когда впервые положил руку на подъёмный механизм сорок лет назад. Бакай и «Куйрук» — одного возраста, одной ржавчины, одного времени. Расставать им — как расставаться руке и глазу: один без другого работает, но хуже.

— Я остаюсь, — говорит Бакай.

Не «я хочу остаться». Не «я должен». Просто факт, как «рассвет». Как «камень». Как «война».

— Наводчик без двух пальцев — всё ещё наводчик, — говорит он, и Арлан открывает рот, но Бакай поднимает правую руку — все пять пальцев, целые, — и говорит: — Пока видишь цель — ты наводишь. Пальцы — это последнее. Глаз — первое. А у меня глаз есть. И я научил тебя всему, что знаю. Ты будешь наводить. Сайра будет заряжать. Тилек — считать дорогу. А я останусь здесь и научу сорок два человека, которые умеют держать нож, но не умеют держать миномёт, — как не пропустить туман. Мне не нужны пальцы для этого. Мне нужен голос. А голос у меня, видишь, — ещё есть.

Он хмыкает. Это не смех — это звук, который остаётся от смеха, когда всё остальное отошло. Арлан молчит, потому что спорить с Бакаем — это как спорить с горой. Гора не спорит. Гора стоит.

Ашык-бей приходит молча. Он не спал — Арлан видит это по глазам: красным, с белыми прожилками, как трещины в сухой глине. Комендант Кара-Даша стоит перед возком, перед тремя, перед двумя лошадьми, перед миномётом, который разобран и лежит, как спящий, и смотрит на каждого — долго, в лицо, будто проверяет: выдержит ли. Выдержит ли дорогу. Выдержит ли каньон. Выдержит ли то, что найдёт в конце.

Ашык-бей кладёт руку на плечо Арлану. Тяжело. Не как

отец — как командир, который отправляет на смерть и знает это, и рука его — единственное, что он может дать, потому что больше дать нечего. Лошадей отдал. Порох отдал. Гарнизон — осталось. Сам — остался.

— Вернись с порохом, — говорит Ашык-бей. — Или не возвращайся. Третьего не дано.

Арлан кивает. Не отвечает — кивает, потому что ответить значило бы сказать «да» или «нет», а это не «да» и не «нет». Это — дорога. Дорога не спрашивает согласия. Дорога идёт.

Сайра садится на возок, рядом со стволом «Куйрука». Она маленькая, и ствол рядом с ней — огромный, как бревно, но Сайра прижимается к нему, как к живому, и Арлан думает: для неё «Куйрук» — не миномёт. Для неё — последний тёплый предмет в мире, который стал холодным. Тилек берёт поводья и садится впереди — он правит лошадьми по вибрации, по тому, как дрожат поводья в руках, по тому, как камень гудит под колёсами. Он не слышит ни скрипа, ни ветра, ни — ничего. Мир для него — тишина и вибрация. И тишина за спиной — такая же, как тишина впереди. Для Тилека нет «позади». Есть только «туда» и «сюда», и «сюда» — это то, что он чувствует подошвами. Остальное — молчит.

Ворота открываются. Скрип — долгий, низкий, как нота, которую берёт «Куйрук» перед выстрелом. Арлан ведёт лошадь за узду, и они выходят — на южную тропу, вниз, в ущелье, прочь от Кара-Даша, прочь от перевала, прочь от того, что было домом три месяца и теперь становится тем, о чём

не оборачиваются.

Сайра оборачивается.

Арлан видит — не сразу, потом, когда тропы делают первый поворот и Кара-Даш уходит вправо, — Сайра сидит на возке и смотрит назад, и лицо её — не испуганное и не печальное. Внимательное. Сосредоточенное. Как будто она видит не крепость, а что-то за крепостью. Что-то, что только она видит.

— Сайра?

Она молчит. Потом:

— Дым.

Арлан останавливает лошадь. Поворачивается.

Над стеной Кара-Даша — дым. Не один: три столба, серых, прямых, как мачты. И четвёртый — белый, рваный, ложащийся ветром на восток. Арлан знает этот дым. Серый — горелый камень. Белый — горелый порох. Первая разведрота Окраины пошла на приступ.

Третья волна — не к утру. Третья волна — сейчас.

Арлан смотрит на дым и думает: *сорок два человека. Два дня. Может, три. Если Ашык-бей — Ашык-бей, то четыре. Если Бакай — Бакай, то пять.*

Потом перестаёт считать. Считать — значит сомневаться. Сомневаться — значит замедляться. А медлить нельзя. Нельзя, потому что каждый шаг возка по каменистой тропе — это шаг от перевала, и каждый такой шаг — минус один выстрел, минус один час, минус один шанс. Но каждый

шаг вперёд — к каньону. К пороху. К сказке, которая, может быть, не сказка.

Тилек не оборачивается. Он не видел дыма — не может видеть, лошадь впереди закрывает. Он не слышит боя — глухой от рождения, и для него мир за спиной всегда молчит. Но он чувствует. Подошвами — через подошвы сапог, через дерево возка, через кости ног, через позвоночник, в который вибрация уходит, как вода в песок. Он чувствует, как Кара-Даш дрожит. Не от выстрелов — от шагов. Шагов Окраины, которые он не слышит, но которые земля передаёт ему, как телеграф передаёт слово: беззвучно, но точно.

Тилек стучит по возку: три коротких. *Быстрее.*

Арлан понимает. Хлещет лошадь. Тропа ныряет вниз, в расщелину, и Кара-Даш — последний раз — мелькает между скалами: зубчатый, тёмный, дымящийся. И на стене — точка. Человек. Стоит. Не стреляет — стоит. Рука — правая — на механизме.

Бакай.

Арлан не машет. Бакай не машет. Между ними — расстояние, которое нельзя закрыть ни словом, ни жестом, ни выстрелом. Только порохом. Только тем, что лежит в глубине Соляного Каньона, если лежит. Если сказка — не сказка.

Тропа делает последний поворот. Скалы смыкаются. Кара-Даш исчезает.

Остаются — трое, возок, две лошади, ржавый «Куйрук» и дорога, которую нет ни в одном военном атласе. Дорога вниз.

Дорога вглубь. Дорога к Соляному Каньону, к Огненному Завету, к городу, которого нет на карте, но который, если верить старику, который сгорел от солнца, — ждёт.

Там нет смерти. Там только огонь.

Сайра больше не оборачивается. Она лежит на стволе «Куйрука», щека на холодном железе, и закрывает глаза. И губы её шевелятся — беззвучно, едва, как трава на ветру. Арлан не слышит, но знает. Знает, как знают то, чему не учились: она зовёт. Тех, кто ждёт. Того, кто строил восемь городов и ушёл в девятый. Того, чьё имя — не имя, а звук. Низкий. Густой. Как колокол. Как «Куйрук».

Тропа уходит в камень. Трое — с ней.

Перевал держит. Пока трое уходят.

Глава 5. Каньон, который ест эхо

Вход в Соляной Каньон — не вход. Рот.

Арлан видит это первым: трещина в скале, широкая внизу и сужающаяся кверху, как челюсть, которая не закрылась. По краям — белые наплывы солёной породы, и они похожи на зубы. Старые, стёртые, но всё ещё способные сомкнуться. Над входом — ничего. Ни знака, ни надписи. Только камень, белый от соли, и тишина.

Тишина.

Арлан был в горах. Был в пещерах. Был в заброшенных шахтах под Беш-Калом, где откалывал камень вместе с Тилеком и слышал, как гудит пустота. Но такой тишины не слы-

шал никогда. Она — не отсутствие звука. Она — присутствие чего-то, что звук съело. Плотная, как вата, как воск, как мокрый снег, которым затыкают уши. Арлан делает шаг внутрь — и его шаг исчезает. Не затихает — исчезает. Подошва касается камня, и звук уходит в стену, в породу, в соль, и не возвращается. Каньон ест эхо. Ест каждый звук, каждый шорох, каждый выдох. Даже ветер — и тот останавливается на пороге, как собака, которая не хочет заходить в дом.

Лошади не хотят.

Первая — гнедая, Ашык-беева, с клеймом гарнизона на крупе — упирается на входе. Тилек тянет поводья, ласкает, толкает — лошадь стоит. Не дрожит, не ржёт, не пятится. Просто стоит, как вкопанная, и смотрит в каньон, и в глазах её — не страх. Знание. Она знает, что внутри, и не хочет. Вторая — рыжая, младше, слабее — разворачивается и уходит. Не бежит — уходит, медленно, с достоинством, как уходят те, кто решил окончательно.

Тилек стучит по каске: один длинный. *Стоп.*

Арлан смотрит на лошадей. Потом на каньон. Потом на возок, на котором — «Куйрук», разобранный на части, и ящик с минами, и мешок с порохом, и всё, что у них есть. Лошади не хотят. Возок без лошадей — деревянный ящик на колёсах. Колёса на камнях. Камни — острые, солёные, белые. Не проедет.

Арлан снимает ствол «Куйрука» с возка. Кладёт на плечо.

Чугун — тяжёлый, ржавый, тёплый от солнца, и лежит на плече, как балка, как бревно, как крест. Арлан так и думает: крест. Не миномёт — крест. Нести его в каньон — как нести крест на голгофу. Только голгофа — впереди, и никто не знает, есть ли на ней кто-то, кто ждёт.

Тилек берёт опорную плиту. Сайра — ящик с минами. Порох — в сумке через плечо, прижат к боку, и Сайра идёт осторожно, как ходят с ребёнком: маленькими шагами, держа сумку двумя руками. Лафет и казённик — на возке. Возок — на Тилеке: он впрягается в оглобли и тянет, как вол, молча, не слыша скрипа, не слыша собственного дыхания, потому что не слышит ничего, ничего, ничего.

Лошади остаются у входа. Гнедая стоит, где стояла. Рыжая ушла по тропе назад, к Кара-Дашу, к дыму, к войне — туда, где лошадям понятнее.

Внутри — белое.

Стены каньона поднимаются на сорок саженей, и Арлан знает это, потому что считает: двадцать раз по высоте человека, и стены всё ещё идут вверх, и небо между ними — не небо, а нитка. Синяя, тонкая, как vein на запястье, и если смотреть долго — начинает казаться, что она пульсирует. Стены — белые. Не от мела, не от снега — от соли. Соляная порода, кристаллическая, зернистая, и в ней — прожилки: розовые, серые, янтарные. Камень живой. Камень дышит — Арлан не слышит, но видит: на стене, там, где тень переходит в свет, порода блестит, как будто влажная, и сухая одно-

временно. Соль. Соль, которая помнит море, которого здесь нет уже тысячи лет, и всё ещё хранит его, как кость хранит форму тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.